

Литература

1. А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома; Шуя, 2012.
2. *Островский А. Н.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. М., 1959.
3. Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л., 1972.
4. *Цветкова Е. В.* Микропонимы в пьесах А. Н. Островского // Щельковские чтения 2011. А. Н. Островский и его эпоха: сб. науч. ст. / науч. ред., сост. И. А. Едошина. Кострома, 2012. С. 160–168.
5. *Цветкова Е. В.* Топонимы в пьесе А. Н. Островского «Грех да беда на кого не живёт» // Щельковские чтения 2012. Проблемы жизни и творчества А. Н. Островского: сб. ст. / науч. ред., сост. И. А. Едошина. Кострома, 2013. С. 222–228.
6. *Чернухина И. Я.* Элементы организации художественного прозаического текста. Воронеж, 1984.

УДК 811.161.1.36; 821.161.1.09.18

Цинь Лидун

*Костромской государственный университет
gantsovsky_n@mail.ru*

**ГИПОТАКТИЧЕСКИЕ УСЛОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
В ПЬЕСАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО КАК ЭТАП В РАЗВИТИИ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ «СВОИ ЛЮДИ – СОЧТЁМСЯ»)**

Автор статьи на материале пьесы А. Н. Островского «Свои люди – сочтемся» рассматривает условные гипотактические конструкции, обладающие широким спектром союзных средств, отличающиеся синкретизмом значения и разной степенью архаизации употребления.

Ключевые слова: подчинительные союзы, условные союзы, стилистическая ситуация, книжные слова, разговорные слова, А. Н. Островский .

Qin Lidong

*Kostroma State University
gantsovsky_n@mail.ru*

**HYPOTACTICAL CONDITIONAL CONSTRUCTS IN PLAYS
BY ALEXANDER OSTROVSKY AS A STAGE
IN THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE DEVELOPMENT
(BASING ON THE PLAY "IT'S A FAMILY AFFAIR-WE'LL SETTLE IT
OURSELVES")**

The author of the article, basing on the material of the play "It's a Family Affair-We'll Settle It Ourselves" by Alexander Ostrovsky, considers conditional hypo-tactical constructs, which possess a wide range of conjunction means that differ in syncretism of meaning and in different degrees of obsolescence.

Keywords: subordinating conjunctions, conditional conjunctions, stylistic situation, bookish words, colloquial words, Alexander Ostrovsky.

Создание современного русского литературного языка относят к концу XVIII – началу XIX вв. и обычно связывают с именем А. С. Пушкина. Именно в его творчестве наиболее полно и органично воплотился важнейший принцип существования общенационального литературного (стандартного) языка – соединение книжного и разговорного, высокого (элитного) и низкого (профанного). Однако процесс выработки литературного русского языка продолжался и далее на протяжении всего XIX столетия и отразился в творчестве представителей русской классической литературы, полностью не завершён он и по сегодняшний день. В особенности это касается языковой парадигматики в области сложноподчинённых конструкций и их важнейшего средства выражения грамматического значения – подчинительных союзов.

Как известно, система подчинительных союзов на Руси сложилась довольно поздно: только к XVII в. появляются самые продуктивные в настоящий момент условные подчини-

тельные союзы *если* и *ежели*, которые начали функционировать наряду с большим количеством более архаических союзов широкого семантического спектра типа *кабы*, *коли*, *когда*, *как* и др. и продолжают широко употребляться и сейчас в диалектах и просторечии, а также с ограниченными стилистическими функциями возможны и в литературном языке.

По сути дела, из всех этих союзов только союз *если* воплощает в себе те качества, к которым стремятся в своём развитии современные подчинительные союзы, некогда в древнерусском языке многочисленные, многозначные и многофункциональные, – однозначную семантику и стилистическую нейтральность. Остальные союзы по-прежнему остаются структурно, семантически и функционально синкретичными (воплощают в себе несколько обстоятельственных значений и могут иметь структурные варианты), обнаруживая тесную связь с ситуацией и темой общения как в диалектной среде, так и на периферии использования их в литературном языке. История данных союзов в древнерусском языке и употребление их в диалектах, этой «живой старине», хорошо известна, см., например, труды А. Б. Шапиро, А. Н. Стеценко и др. языковедов (4; 3). Постараемся проследить динамику развития семантики союзов условных сложноподчинённых предложений на материале художественных произведений первой половины XIX столетия, которые, с одной стороны, отражали судьбу этих союзов в речи представителей разных страт русского общества, с другой, своим авторитетом формировали представление о типологии данных конструкций и их дальнейшей судьбе в литературном языке.

В данной работе мы исследуем структурно-семантические и функциональные особенности употребления условных союзов сложноподчинённых предложений в пьесе А. Н. Островского раннего периода «Свои люди – сочтёмся» (первая её редакция под названием «Банкрут» относится к 1948 году), где, пожалуй, более полно и многообразно, чем в других произведениях драматурга, представлена палитра разнообразных разговорных средств русского языка, в том числе и в области синтаксиса сложноподчинённых предложений.

Надо признать тот факт, что в послепушкинский период «с именем Островского связан наиболее ощутимый демократический вклад в совершенствование литературного русского языка – мощный приток элементов живой разговорной речи», а также то, что «Островский был одним из тех писателей, в творчестве которых интенсивно, продуктивно и органично происходило соединение элементов книжно-письменного литературного языка с элементами народной устной речи для создания единого, функционально неразобъённого литературного языка. Островский шире, чем его предшественники, раздвинул границы языка своих драматических произведений для принятия элементов живой народной речи, в первую очередь её лексических и фразеологических средств, а также грамматико-синтаксических особенностей» (5).

Обратимся к тексту пьесы А. Н. Островского «Свои люди – сочтёмся» (1) и выявим состав, количество и условия употребления в ней союзов условных сложноподчинённых предложений в разрезе стилистической ситуации книжное / разговорное.

Союз *если*. Употреблён 10 раз в реальных и ирреальных ситуациях в препозиции придаточного, и только один раз в постпозиции. Характерно, что эта книжная конструкция (исконно для разговорной речи более характерен паратаксис, чем гипотаксис) в речи малообразованных персонажей пьесы Липочки и Подхалюзина нередко встречается и в составе многокомпонентных (полипредикативных, с двумя придаточными) сложноподчинённых конструкций.

(1) Липочка. *А если и выедут-то куда, так только слава, что четверня-то, а хуже одной-с купеческой-то* (1, 27).

(2) Подхалюзин. *Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним, так и греха нет никакого; потому он сам несправедливо поступает, против закона идет* (1, 50).

(3) Липочка. *Ведь посмотрели бы на шпоры, как они звенят, особливо, если улан али полковник какой разрисовывает – чудо!* (1, 28).

Мастерство писателя помогает замаскировать эту «усиленную», полипредикативную книжность гипотаксиса за счёт многочисленных лексико-идиоматических средств, «сигналов разговорности», что придаёт всей конструкции лёгкость и доступность для восприятия участников диалога и зрителей, носителей национального языка. Подобные перцептивные свойства присущи, возможно, ещё в большей степени условным сложноподчинённым предложениям с другими союзами, которые в настоящее время характеризуют диалектную или сниженную наддиалектную речь.

Союз *кабы*. Эти конструкции (их всего 3) с препозицией придаточного, встретились в речи Рисположенского, Тишки и Большова.

(4) Рисположенский. *Кабы я вас не любил, я бы к вам и не таскался* (1, 41).

(5) Тишка. *Вот кабы спрашивался, – я бы знал*. Большов. *Кабы я тебя не любил, нешто бы я так с тобой разговаривал?* (1, 60).

В настоящее время они характерны в основном для стилизованной под фольклор разговорной речи, хотя их структурно-семантические характеристики полностью совпадают с предложениями с союзом *если*.

Союз *как (бы)*. Употреблён три раза в препозиции и интерпозиции. Это синкретический архаический не книжный союз (сейчас употребляется только в диалектах): условное значение в нём сочетается со значением обстоятельства образа действия.

(6) Липочка. *Вот как бы вышла за благородного, так я бы и уехала из дому и забыла бы обо всем этом* (1, 77).

(7) Липочка. *Тянька, как не пьян, так молчит, а как пьян, так прибуёт того и гляди* (1, 77).

(8) Подхалюзин. *Как бы десять копеек, так бы ладно-с* (1, 86).

Союз *когда*. Этот союз, как и предыдущий, синкретичен, но совмещает в себе условное значение с временным. Он достаточно частотен в пьесе (употребляется 6 раз) и встречается только в постпозиции и интерпозиции, что способствует выявлению в нём условной, а не темпоральной семы. Более обычная сфера его бытования – диалекты, но и в разговорной сфере периферийной зоны литературного языка он в достаточной мере употребителен. Примеры:

(9) Рисположенский. *Да и что я за учитель такой, когда вы сами, может быть, в десять раз меня умнее?* (1, 41).

(10) Рисположенский. *Я бы свинья был, когда б не сделал, потому что я, можно сказать, благодетельствован вами и с ребятами* (1, 41).

(11) Большов. *А вот ты бы, Лазарь, когда на досуге баланц для меня и сделал, учел бы розничную по панской-то части, ну и остальное, что там еще* (1, 43).

(12) Подхалюзин. *Да зачем же потихоньку-с, когда так тянька с маменькой согласны?* (1, 77).

(13) Большов. *Я из-за каждой вашей копейки просил, просил, в ноги кланялся, да что же мне делать, когда не хотят уступить ничего?* (1, 89).

(14) Рисположенский. *Да как же не ходить-то, Лазарь Елизарыч, когда вы по пяти целковых даёте* (1, 92).

Союз *коли*. Условное придаточное с этим союзом чаще стоит в препозиции, несколько менее – в постпозиции и интерпозиции. Встречается 39 раз в речи всех персонажей, нередко во фразеологизированных конструкциях, характерных для народно-разговорной речи. Устойчивым оборотом может быть главная часть, но одновременно и придаточная также органично может включать идиому в виде поговорки, как, например, в предложении из отличающейся необыкновенной образностью речи Устиньи Наумовны, свахи:

(15) *Анафема хочу быть, коли скажу – руку даю на отсечение* (1, 57).

Характерно, что в главной части, определённо-личном предложении с отсутствующим подлежащим, личным местоимением, именная часть сказуемого представлена устаревшей

формой именительного падежа (*анафема*), а не более современного творительного. Ещё примеры речей свахи с паремией в роли главной части предложения:

(16) *Провалиться в тартарары, коли меня здесь увидите!* (1, 85).

(17) *Ну, а коли есть, так и слава тебе господи!* (1, 56).

(18) *<...> исчезни душа, коли лгу* (1, 56).

В следующей реплике Большова главная часть также представляет устойчивый оборот: (19) *Коли так не дадите денег, дайте Христа ради!* (1, 89). Другое его высказывание в форме бинарной условной конструкции в целом представляет собой народную пословицу: (20) *Сама себя раба бьёт, коли не чисто жнёт* (1, 90).

Конструкции с *коли*, как правило, отличаются лаконизмом и фразеологизированностью структуры, которая маскирует и делает неявными предикативные единицы в их составе, что также свидетельствует о разговорной форме употребления этой гипотактической единицы:

(21) Аграфена Кондратьевна. *Говори, коли что нужно* (1, 57).

(22) Большов. *Ну закройся, коли стыдно*. Большов. *Как же не бывать, коли я того хочу* (1, 73).

(23) Устинья Наумовна. *А коли так, я и смотреть на вас не хочу* (1, 85).

(24) Подхалюзин. *Уж коли того, а либо что, так останетесь довольны...* (1, 47).

(25) Рисположенский. *Ну, уж коли милость будет, дайте десять* (1, 53).

Таким образом, можно констатировать, что в анализируемой пьесе Островского представлено значительное количество условных гипотактических конструкций с широким спектром союзных средств, отличающихся синкретизмом значения и разной степенью архаизации употребления, проявляющейся в наличии оппозиции *книжное / разговорное* с явным перевесом в сторону последнего, что свидетельствует об определённом этапе развития средств выражения грамматического значения условных сложноподчинённых предложений русского языка в определённой языковой среде.

Литература

1. Островский А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1949. С. 27–94.
2. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / под. ред. акад. В. И. Борковского. М., 1979. С. 233–262.
3. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1977. С. 215–232.
4. Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953. С. 93–99.
5. Ганцовская Н. С. Язык произведений А. Н. Островского // А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома; Шуя, 2012. С. 496.